

Е. Д. Елизаров

Тезисы о государстве

В статье рассматривается генетическая связь между становлением механизмов социальной коммуникации и самоорганизации гражданской общины, между развитием языка и обретением государственности, формированием народных представлений о правильности, правде, справедливости и государственным правом.

Ключевые слова: единодействие; единомыслие; традиции; память поколений; язык; фольклор; национальная культура; правда; правильность; праведность; справедливость; право; государственное право, государственный аппарат; государственный деятель; недокументированные функции государства

Evgeniy Yelizarov

Theses on the State

The article examines the genetic relationship between the formation of mechanisms of social communication and self-organization of a civil community, between the development of language and the acquisition of statehood, the formation of people's ideas about correctness, truth, justice and state law.

Keywords: unity of action; unity of mind; traditions; memory of generations; language; folklore; national culture; truth; correctness; righteousness, justice; law; state law; state apparatus; statesman; undocumented functions of the state

I

Распад СССР так и не привел к образованию действительно суверенных государств. Но только ли отсутствие у местных элит опыта самостоятельного государственного строительства, рецидивы национализма, желание свести какие-то старые счета, наконец, просто изживенческие инстинкты привели к тому, что многие из «сестер» очень

скоро потянулись в чужие объятия? Непреложный факт добровольного расставания с обретенной независимостью заставляет пристальней взглянуть на материю государственного суверенитета.

Долгое время в теории отсутствовало разграничение понятий общества и форм его политической организации. Заметный вклад сделал Макиавелли. В его представлении обладатель центральной власти и государство – это тесно связанные сущности; государь неотделим от своей страны, государство неотделимо от него. В какой-то степени государство – это своеобразное продолжение тела государя, оно не может быть безличным, как в наше время *deep state*. Это единая территория, обязанная обеспечить способность к устойчивому существованию в условиях постоянного давления внешних сил. А значит, государство – это что-то вроде персонификации некоего виртуального начала, властвующего над юридически признанной территорией.

Гегель относил государство и право к философии духа. В его представлении диалектически развивающийся дух последовательно проходит три ступени к вершине: субъективную, которая включает антропологию, феноменологию, психологию, объективную – право, мораль, нравственность, наконец, в искусстве, религии, философии он становится абсолютным началом. В этой эволюции государство, право и общество занимают срединное место. Здесь происходит объективация эволюционирующей стихии, здесь она обретает собственную форму и представляет ее миру. Словом, Гегель впервые отделил понятие гражданского общества от государства, при этом именно государству было отдано безусловное верховенство.

Между тем во многом традиция отождествления общества и государства сохраняется и поныне. Ведь и сегодня в основе существующих определений лежат два ключевых начала:

- политическая форма организации (и в этом значении она сближается, а в бытовом сознании практически полностью сливается с понятием общества и становится синонимом страны);

- основной институт политической системы, который организует, направляет и контролирует совместную деятельность, отношения людей, общественных групп, классов на основе использования

политической власти. Именно этот институт ассоциируется с инструментом принуждения, аппаратом насилия, но одновременно он же предстает началом, организующим защиту независимости и территориальной целостности.

В толковом словаре русского языка Ожегова и Шведовой указывается, что государство – это «основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану его экономической и социальной структуры» и «страна, находящаяся под управлением политической организации, осуществляющей охрану ее экономической и социальной структуры» [17].

Вот еще несколько определений. Государство – это «особая организация политической власти общества, располагающая специальным аппаратом принуждения, выражающая волю и интересы господствующего класса или всего народа» [16, с. 23]. «Государство – это специализированная и концентрированная сила поддержания порядка... институт или ряд институтов, основная задача которых (независимо от всех прочих задач) – охрана порядка. Государство существует там, где специализированные органы поддержания порядка, как, например, полиция и суд, отделились от остальных сфер общественной жизни. Они и есть государство» [3, с. 28]. (В скобках заметим, что дающий последнее определение Э. Геллнер неразрывно связывает государство еще и с нацией; нация и государство неполны друг без друга, и ниже мы увидим всю важность этого обстоятельства.)

Словом, акцент делается на организованной силе, и нет ничего удивительного в том, что символом государства, подавляющего личность и подчиняющего себе все отправления общественной жизни, становится образ библейского Левиафана. В книгах Ветхого Завета он фигурирует как пример непостижимости божественного творения, как нечто противопоставляющее себя человеку.

Отсюда легко понять пафос революционных учений, которые ставили своей целью построение мира, свободного от социальных язв, создание новой реальности, которая позволила бы преодолеть отчуждение человека от человека и практически всех результатов его трудов. В них разрушение государства и построение новых

форм социальной организации, где человек освободился бы от всех форм эксплуатации, получает известное нравственное оправдание. Но допустимо ли сегодня не замечать и другие аспекты феномена?

II

Да, власть над человеком выливается в централизованно регулируемое отчуждение результатов его труда. Более того, прежде всего в отчуждение и уже затем во все остальное. Но задумаемся, а что происходит с тем, что отнимается у гражданина, в какие формы перевоплощается доля, переходящая в распоряжение центра? И вообще: столь ли одиозна сама стихия отъятия части того, что производится каждым, не является ли она необходимым условием самого существования всех?

Речь, разумеется, не идет о налогах; справедливость разумного налогообложения не подвергается никакому сомнению, и примеры вполне добровольного принятия его норм встречаются уже в книгах Ветхого Завета. Вспомним о пожертвованиях первым святилищам: их «было достаточно на всякие работы, какие надлежало делать, и даже осталось» (Исх 36:6). Протест могли вызвать только объемы, превышающие пределы общего согласия. Но всегда ли выгода обмена подобных приношений на благоволение высших сил была очевидной жертвователю? Ведь точно таким же «бартером» были и другие формы отчуждения, например строительство первых ирригационных систем, фортификационных сооружений и т. п.

Да, одной из первых форм отчуждения предстают общественные работы, именно им предстоит переродиться в налоговые системы государств. Вот только в отличие от строительства грандиозных храмов возможность получения осязаемых дивидендов от ирригационных работ если и провиделась кем-то, была вовсе не очевидной для подавляющей массы. Результат (а именно им предстают цивилизации Востока) едва ли грезился даже самым великим мудрецам тех лет. Лишь предельно наивная мысль способна предположить возможность отслеживания архаической общиной причинно-следственной связи между сегодня приносимыми жертвами и теми благами, возможность

которых теряется за горизонтом далекого будущего. Собственно, так было во все времена, так обстоит дело и сегодня.

Да, ныне живущие отдают многое следующим поколениям, но вот вопрос: почему вектор жертвенности должен быть однонаправленным? Разве еще не родившиеся не обязаны приносить хоть что-то в благодарность уходящим? Ведь именно их трудам обязана сама возможность появления на свет счастливых собирателей будущих плодов. К тому же есть основания полагать, что вовсе не красивые идеологемы более устроенной жизни потомков порождают совместное действие их родителей.

Дело в том, что говоря о прошлом, мы сталкиваемся с совершенно по-другому организованным сознанием. Предметом архаического может служить только то, что дано человеку в непосредственном ощущении, все прочее, в особенности то, что может появиться лишь в далекой перспективе, скрыто от него. Впрочем, и сегодня ничто, не укоренившееся в сознании, не способно побудить к практическому коллективному действию. Стимул обязан оформиться хотя бы в качестве манящего обещания, но и его мифологема, чтобы способствовать слиянию сил, должна стать аксиоматичной для всех. Так что есть основание полагать, что не абстрактное представление о прекрасном сливает воедино действие масс, но единодействие создает мифологему [8, гл. 4]. Только оно способно вызвать к жизни «коллективную душу», о которой будет говорить Лебон [10] и которая станет предметом современных технологий манипуляции массовым сознанием. В свою очередь, лишь пробудившаяся «душа» древнего социума окажется в состоянии подвигнуть массы на жертвенные усилия во имя недостижимого при жизни.

Впрочем, здесь нужно уточнить: единодействие – это не только то, что совершается плотно сбитыми количествами, оно существует и на некоем *метауровне*, где участников разделяют пространство и время. Эта его форма порождается куда более властным, чем случайный настрой толпы, началом – единым образом действий, производным от схожих технологий (рисовые чеки, подсечное земледелие и др.) и однотипного инструментария (огонь, колесо, рычаг, лезвийный инструмент, тягловая сила животного и т.п.).

Именно это единство создает общее представление о ключевых принципах мироустройства, а с ним и единую душу каждого из разноязыких народов.

В одном из романов Дэна Брауна появляется необычный персонаж: «...неживые виды эволюционировали почти как живые – становились более сложными, приспосабливались к окружающей среде и распространялись по планете, появлялись в новых видах, из которых одни выживали, другие исчезали. Копируя или пародируя дарвиновскую адаптивную изменчивость, они развивались с потрясающей быстротой и наконец образовали новое, седьмое царство – наряду с животными, растениями и остальными. И называется оно техниум» [1, гл. 96]. Автор берет на себя смелость дополнить романиста параллельной реальностью «гуманитариум», стихийным сводом представлений не только о принципах мироустройства, но и о началах устройства мира, рождением единого, формализуемого обычая, взгляда на объединяющие самих людей законы справедливости, правильности, праведности их действий. Словом, «коллективную душу» народов, равно как и необходимость подчинения всем ее настояниям, будет формировать не один техниум.

Но, разумеется, единодействие существует и на уровне непосредственного соприкосновения, слияния масс в каком-то частном целевом потоке. Эта его форма невозможна без организационного начала; именно оно, переустроявая быт древнего социума, и воплотится в государственном аппарате.

Известно, что в предшествующей Античности культуре все производительные силы общины начинают группироваться вокруг управляющего центра. Ярчайшим примером могут служить Микены. Самоорганизующийся социум еще не знает частной собственности, все принадлежит дворцу, и каждое хозяйство, говоря современным языком, получает необходимое ему только на правах аренды. Мало что и в частном хозяйстве времен античного полиса принадлежит отдельной семье, многое является собственностью города, и каждый год право пользования подлежит централизованному переутверждению. В «Афинской политике» сказано: «Архонт сейчас же по вступлении в должность первым делом объявляет через глашатая, что

всем предоставляется владеть имуществом, какое каждый имел до вступления его в должность, и сохранять его до конца его управления» (Аристотель. Афинская полития. IV. Архонты. 55:2).

Действительно, полная собственность существует исключительно там, где права владельца простираются вплоть до беспрепятственного уничтожения ее предмета. Но такого права не имел никто (речь, разумеется, не идет о потребностях, которые могут быть реализованы забоем скота). Именно из этого порядка пользования, владения и распоряжения проистекало право властей наказывать любого хозяина за нерадивое управление, казалось бы, его же имуществом. Пережитки этого права будут сохраняться еще в Новое время, да и сегодня человек, безоглядно транжирирующий имущество семьи, может оказаться под опекой... Впрочем, можно ли говорить о пережитках, если частная собственность никогда не была до конца частной: во все времена, начиная с глубокой древности и кончая современностью, она была и остается особой формой достояния всего организованного социума [9, с. 224–251].

Отчетливые следы зависимости не только хозяйств, но и самой жизни от административного центра прослеживаются и в древнерусской истории, в которой, как и в любой другой, многое обусловлено географией. Расположение вблизи путей военных нашествий и великих переселений иноязычных племен не давало надежды на прочную оседлость, напротив, воспитывало готовность к снятию с места, отступлению на труднодоступные территории. Между тем массовый исход не может быть стихийным; никем не организуемый, он обречен, поскольку даже несколько деревень – это тонны и тонны хозяйственных грузов, запасов продовольствия, скот, больные, старики, беременные женщины, дети. А значит, подводы, подводы, подводы... Их поставка, равно как и охрана, – это неукоснительная обязанность каждого регионального администратора. Словом, за массовым переселением явственно проступает и государственная воля, и обладающие специфическим опытом государственные люди, и государственный же инструментарий. К тому же и обустройство на новом месте решительно невозможно без поддержки... В условиях русской географии и русского

климата не только центральная власть, но и ее филиалы несли ответственность за организованное таким образом выживание. Так нужно ли удивляться тому, что, в частности, и здесь зарождается и вплоть до XX столетия сохраняется полусемейное отношение к пусть грозному, но заботливому «царю-батюшке» и, по нисходящей, «боярину-батюшке», «барину-батюшке»?

Впрочем, и титул западноевропейских отцов народов возникает не на пустом месте: уважение к государству и его возглавителю воспитывалось не только насилием, но и государственной же заботой. Народосбережение – это одна из ключевых задач любой, даже самой хищной и эксплуататорской власти. И не только потому, что в противном случае будет некого эксплуатировать.

Отчетливые следы государственной заботы (не убоимся повторения этих слов для характеристики истекших столетий) видны и в античной Европе: акведуки и клоаки, фонтаны на площадях и крытые колоннады на улицах Греции и Рима преследовали вполне утилитарные цели: ни без проточной воды, ни без организации выноса нечистот никакое городское строительство невозможно. Точно так же и пребывание на палящем солнце требовало защиты людей, вынужденных долгое время находиться вне дома. К слову, русский контрапункт средиземноморских фонтанов и колоннад – это костры, которые в зимнюю пору разжигались городскими властями на рынках и в других местах скопления людей. Но важно видеть и другое: дело не только в законах санитарии городов и не в особенностях климата субтропических или северных широт. Бросив взгляд на верхние этажи многоэтажных римских инсул, легко заметить, что первые хрущевки возникают отнюдь не в советских мегаполисах. Но если московские Черемушки – это забота о благе народа, то почему такое же (разумеется, с поправкой на стандарты своего времени) строительство, что еще в III в. до н. э. велось на итальянских берегах, должно быть свободным от любых подозрений в его сбережении?

Впрочем, прежде чем заботиться о подданных, их еще нужно собрать в одном месте: непреложным условием запуска механизмов самой истории является обеспечение достаточной концентрации людских масс на ограниченном пространстве. Только

интенсивное общение способно превратить неорганизованные толпища в единое тело социума и пробудить в нем коллективное сознание, единую «душу», сформировать его гуманитаризм. Интенсификация же общения требует взрывного развития его механизмов. Социальная коммуникация – вот то, без чего невозможны никакие общественные отношения, никакое государственное строительство, и это обстоятельство заставляет обратиться к ее основному инструментарию.

III

Зарождение языка там, где отсутствует необходимый уровень концентрации людских масс, невозможно. Количественные границы, за которыми биологические связи преобразуются в социальные, неизвестны, но раскопки обнаруживают, что с ходом истории древнейшие поселения уже не изолируются друг от друга, как это было в условиях собирающей экономики. Напротив, они группируются таким образом, чтобы обеспечить и постоянный обмен производимым продуктом, и перекрестные браки, которым предстоит исключить инцест, и, возможно самое главное, интенсивное информационное взаимодействие. Не случайно Леви-Стросс, говоря о всеобщем обмене, не ограничивает его структуру товарами и женщинами, но включает в него и «обмен словами» [11].

Древнейшие из изученных на русских просторах жилища обеспечивают совместное проживание 150–200 человек. И это не изолированные постройки: даже их скопления возникают в окружении развитого множества других, а значит, общий счет участвующих во взаимообмене людей идет на тысячи. «При условии, что только костёно-боршевская группа насчитывает более 60 стоянок, и таких очагов – Сунгирь, Костёнки, Елесеевич, Зарайск, Авдеево, Гагарино, Пушкири и др. – насчитывается как минимум около десятка, получим, что на каждую группу стоянок приходилось по 4–8 тыс. человек в группе и по 70–50 человек на каждой отдельной стоянке» [19].

Лишь известная плотность населения способна создать единое тело социальной общности, концентрация же людских масс на ограниченном пространстве заставляет думать и о собирательной

физиологии. Но общее тело развивается не только благодаря заботе о ней. Пробуждающееся самосознание древнейших объединений порождает знаковую систему коммуникации. Вот только важно понять: это средство общения не человека с человеком, но человека с чем-то целым, и только через него – с другими. Только эта форма общения создает единое представление о самих себе и окружающем мире.

Греки называли того, кто не интересовался политикой, идиотом, но в этом определении не было оценки умственных способностей. Они понимали, что именно политика составляет главное в жизни. «Политическое животное», человек – это существо, способное выстраивать свои отношения с другими, подчиняться налагаемым ими ограничениям, наконец, направлять развитие этих отношений в ту или иную сторону. (Да, да, еще задолго до Маркса существовало иносказание того, что сущность человека – это совокупность общественных отношений.) Не случайно главным местом общественной жизни города становился базар, форум. Именно там его жители узнавали последние новости, именно там ловили ветер перемен, именно там формировался вектор влияния на иноплеменное окружение, и тот, кто не проводил свободное время в собраниях (а свободный гражданин имел его в достатке) становился подозрительным. Но еще раньше главным местом собраний был храм. Собственно, сам город строился вокруг него, это одна из первых построек. Здесь важно понять: архитектура храма далеко не сразу обретает самостоятельное значение, в начале своей эволюции это просто обустроенное *место*. Место собраний, где калибруется единый взгляд человека на все происходящее с ним и вокруг него, крепится единство общины. Позднее рядом с храмом и форумом встанут театр, цирк, и точно так же формирование единого сознания и единой реакции на вызовы времени и чужих пространств станет главным в их назначении (мы еще коснемся этого). Человека, сторонившегося собраний, избегали, как избегают зараженного какой-то опасной болезнью. Его даже изгоняли из города.

Именно «коллективная душа» обеспечивала монолитность формирующегося и развивающегося социума, крепила его сплоченность, организованность. Впрочем, и душа ничто без тела...

Литургия, общее дело – вот ключевой инструмент формирования нового, надличностного тела, которое объединяется уже не кровью, не происхождением, но единым пониманием и единым ответом на слово, на здесь же, в литургии, рождающуюся ключевую мифологию города. Отсюда и главное в древнем храме – это вовсе не место пребывания надмирной силы, но место собрания самой общины, где она в едином порыве обращается к чему-то общему и судьбоносному для себя. (К слову, и сегодня в обыденном представлении храм – это прежде всего пространство собрания, а вовсе не та его часть за алтарной преградой, доступ в которую закрыт для прихожан.)

Именно общее дело позволяет коллективному сознанию воспарить над плоскостью физического, метафизический же взгляд на вещи побуждает к единодействию практического их преобразования. Словом, литургия храма и литургия всех великих строек пронизаны чем-то общим. Только восчувствование смутного позыва коллективного над-физического тела к какому-то новому, не во всем понятному, но манящему благу и только осознание высшей помощи в его достижении сводят разрозненное многолюдье в поток единого дела. «В начале было слово» – явственно читается и в строительстве ирригационных систем, и в рождении великих цивилизаций, и в формировании центров государственного управления.

Пусть незримое, но властное влияние таинств, которые вершатся в храмах, на жизнь города и, шире, государства явственно прослеживается и в наши дни: даже провозгласившее решительное отделение от церкви государство продолжает считаться с ними. Чтобы понять это, достаточно представить, что может случиться, если священный пламень вдруг не возгорится в храме Гроба Господня в назначенный срок. Известно, что отчаяние одних и фанатизм других способны создать гремучую смесь, которой по силам взорвать мир. Поэтому трезвый взгляд на вещи диктует необходимость признать, что если бы благодатный огонь и не существовал (автор не берет на себя смелость выносить вердикт о механизмах таинства), миф был бы обязан поддерживаться специальной организацией чуда. Допустимо утверждать: известные распоряжения обязаны заранее приводить

в повышенную готовность службы обеспечения безопасности не одного Иерусалима, и то обстоятельство, что обыватель не видит особых приготовлений ни в нем, ни далеко за его пределами, во все не значит, что их не существует.

IV

Впрочем, государство – это не просто единство, но еще и аппарат...

На самой заре цивилизаций родоначальник – это не только администратор, имеющий право распоряжаться всем имуществом семейной общины и судьбами каждого ее члена (хотя, конечно, и администратор тоже). Прежде всего это хранитель секретов ремесел и тайн природы, лишь овладение которыми делает возможным эффективное ведение общего хозяйства. Образно говоря, домашнее «имущество» той поры можно уподобить некоему компьютеру, который, помимо «железа», должен иметь еще и свой «софт». Но даже при наличии развитого программного обеспечения оно – ничто без опытного пользователя. Именно «продвинутым пользователем», который, помимо обладания всей суммой властных полномочий, предстает еще чем-то вроде живого программного диска, и становится патриарх [5, с. 50].

Заметим, что даже в представлениях Средневековья сохраняется взгляд, согласно которому любое ремесло – это не череда технологических операций. «Исследования дошедших до нас... рецептурных сборников показывают, что ремесло было тесно связано с магией. Применялись самые экзотические средства, вроде пепла василиска, крови дракона, желчи ястреба или мочи рыжего мальчика, причем применение лишь некоторых из таких ингредиентов имеет рациональное техническое обоснование. Анализ рецептов показывает, что за ремесленной деятельностью стоит мифо-магическая картина мира. Производственный акт ремесленника мог рассматриваться как осколок некоего магического ритуала <...>. Мастер-ремесленник как бы повторял в своих действиях начальную борьбу космических сил, создание Космоса и полезных для человека вещей, возводил себя к демиургу и культурному герою» [20, с. 120].

Тем более это справедливо по отношению к древности. Там роль патриарха сравнима с ролью семейного божества, и это обусловлено тем, что только он способен сообщить жизнь всему, из чего складывается корпус семьи. А это не только люди, включая рабов, но и скот, и орудия труда. При этом состав древней семьи не ограничивался кровными родственниками, но включал в себя всех, кто находился под юрисдикцией родоначальника. В древнем мире само понятие семьи, дома обнимало собой все, что подчинялось его власти [14, с. 160]. То же в Египте: «Надпись в одной из гробниц перечисляет всю родню. Из нее видно, что семья состояла из отца, матери, друзей, приближенных, детей, женщин, кого-то еще под необъясненным названием «инет-хенет», любимцев и слуг» [15, с. 56–57]. Примеры можно множить.

Этим же объясняется и подчиненная роль домохозяев: само их существование зависит только от патриарха. Случись что с ним – и распадется все; никто не сможет встать на его место, ему нет замены. Он единственное вместилище всей информационной базы, и, строго говоря, не вокруг него группируются и его прямые потомки, и чужие по крови люди, но вокруг хранимых секретов общего жизнеобеспечения. (В скобках заметим, что и сегодня категории семьи и дома сохраняют известную степень синонимичности, и обе продолжают обозначаться именем их возглавителя.)

Однако диверсификация экономики, разделение труда, появление новых ремесел и узкой специализации производителей делают невозможным удержание в одной голове тайн экспоненциально развивающихся ремесел. Время, когда знание начинает эмансипироваться от своего живого носителя, наступит не скоро. Письменная культура только начинает зарождаться, нет даже необходимой для сохранения новой сферы знаний системы понятий, а значит, хранение их и опосредованный ими информационный обмен невозможен. К тому же усложнение хозяйственных связей, увеличение доли чужих по крови людей в семейной общине делают недостаточным владение технологическими секретами. Возникает потребность в качественно новых знаниях, в постижении природы самого человека, *в рождении технологий управления им.*

Со временем родоначальник продолжает оставаться крупным собственником, но уже не работает сам. А значит, перестает быть носителем базы данных, которая обеспечивала функционирование общего хозяйства, и из обладателя секретов ремесел он превращается в простого администратора. Но и управление, становясь особым видом деятельности, требует специфических умений и глубоких знаний, но уже иной природы. Поэтому по-прежнему вершина власти в первую очередь остается средоточием информации и опыта и только во вторую – местом концентрации богатства и силы. Словом, именно знания и опыт составляют то главное, что порождает власть человека над человеком.

Все эти процессы сливаются воедино и становятся причиной разложения разрастающейся патриархальной семьи. Вместе с тем необходимость сохранения единства общины остается. А значит, остается необходимость и в объединении на уровне надсемейных структур, и в новых формах центральной власти, и в порождении более развитого ее аппарата. Советы старейшин объединяют хранителей древнейшей культуры, сформируют совещательный орган при царях, и не удивительно, что именно возглавители наиболее могущественных родов, другими словами, те, кто проник в самые глубокие тайны управления *человеком*, становятся центральными его фигурами. Так что не сила, не оружие, но информационная база, совокупное знание, накопленный за многие годы опыт, житейская мудрость становятся той стихией, которая создает и государственный аппарат.

А кстати, кто становится его функционером?

На первый взгляд, ответ очевиден: администраторы нисходящих до «поселкового» и «сельсоветского» уровней. Но вот вопрос: допустимо ли включать сюда служителя культа, школьного учителя, художника, поэта, философа и прочих? Ведь и это множество выстраивается по отчетливо различимой вертикали, каждый уровень которой имеет известные обязательства перед соответствующей гранью и ступенью государственной пирамиды. Не являются ли они такими же функционерами власти, как и находящиеся в фокусе общего внимания обитатели ее пирамиды? Выразим эту же мысль в наиболее парадоксальной, если

не дикой форме: не являются ли функционерами государства, государственными деятелями... «ариньродиноновны»?

Стоит задуматься – и обыденное представление о том, что охрана собственности, обеспечение общественного порядка, социальной стабильности – это и есть главное дело властного центра, начинает вызывать сильное сомнение...

V

Обратим внимание на идущее из глубокой древности правило, которое прямо вытекает из сказанного: даже на самых низших уровнях организации общества тот, кто обладает знаниями и передает их кому-то другому, обретает особые права на ученика. Так было в древности. Уже в кодексе законов Хаммурапи говорилось: «Если ремесленник возьмет малолетнего приемыша и научит его своему ремеслу, он не может быть востребован обратно» [22, с. 24, док. 40]. Так оставалось и в Новое время. Передача мастером секретов ремесла ученику создавала незримую связь между ними, и эта связь была вполне сопоставима с узами, соединявшими отца и сына. В бытовом сознании эти секреты были чем-то неотчуждаемым, поэтому сообщение их кому-то другому не могло не объединять учителя и ученика какими-то сакральными узами. Знания ремесленника «не были наукой, но навыком и даром свыше». «Этот навык, неотделимый от человека, передавался вместе с иными его личными свойствами, и наставник и ученик как бы объединялись личностями... Но объединялись не только эти двое, но и все предыдущие наставники, так что в каждом человеке как бы концентрировался весь цех, в том числе и мастера прошлого» [20, с. 121].

Перенимаемое ремесло существовало как система ритуальных действий, освоение которых было возможно только посредством погружения ученика в их исполнение, долгого наблюдения и механического копирования манипуляций мастера. Основой контакта между ними было исключительно чувственное восприятие, и только развитие языка, рождение способности оперировать абстрактными представлениями смещало его во внечувственную сферу. Далеко не сразу даже обладающий широкими познаниями мастер становился

способным объяснить ученику, как нужно выполнять ту или иную операцию, *почему* нужно действовать так, а не иначе. Чаще всего он сам не имел представления об этом, ибо перенимал у своего отца только *умение*, но не *знание* того, что в скрытой форме совершается в ходе выполнения затверженных алгоритмов. Время знания придет лишь по истечении тысячелетий, на первых же этапах истории ученичества безраздельно властвует умение [5, с. 85]. Словом, мастер передавал ученику какую-то глубинную, сущностную часть самого себя, и именно это обстоятельство сообщало ему особые права, едва ли не сопоставимые с правами родителя. Напомним о них: «Я тебя породил, я тебя и убью».

Добавим, что наряду с еще неразвитым понятийным аппаратом важную роль играл и сравнительно небольшой спрос на продукцию ремесленного производства. Но его рост вызывает необходимость копирования, копирование – типизации технических приемов, типизация – их перевода на язык знаков. В конечном итоге между мастером и учеником встает «слово», фиксация которого в письменных документах делает возможным отделение знания от былого носителя, а вместе с этим и взаимное отчуждение. Школа, книгопечатание сообщат этому процессу дополнительный импульс. Впрочем, и сегодня власть мастера над учеником (во всяком случае, моральная) сохраняется даже тогда, когда тот сам становится наставником.

Между тем в искусстве управления человеческой природой существуют свои тайны, и они тоже открываются человеку далеко не сразу. Механизмы действия сил, которые стремят смертных в ту или иную сторону, таятся не в физических измерениях окружающего мира, но в стихиях, властвующих над ними. А значит, и их постижение вначале доступно лишь внечувственному восприятию. Отсюда и роль жреца, отсюда и его значимость в управлении человеческой природой: довериться и подчиниться номинальному обладателю власти можно только там, где ее, власти, начертания сливаются с откровениями такого провидца.

Не сразу и не каждому становятся доступными и формы свободной вербализации метафизики человеческих отношений. Когда же и эти тайны оказываются подвластными человеку, рядом

с государем и жрецом встает художник слова. Его дар сделает и его причастным к управлению людской природой. А с ним – государства: когда входил Вергилий, собрание вставало не только потому, что тот был другом Августа. Именно он сформулировал главное во всей политике государства: «Римлянин! Ты научись народами править державно – / В этом искусство твое! – налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирать войною надменных!» (Вергилий. Энеида. VI. Ст. 851–853).

На протяжении двух тысячелетий художник слова будет выражать то сущностное, стремление к которому перекраивало весь мир:

Rule, Britannia! rule the waves;
Britons never will be slaves...

Весь Мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый Мир построим...

Deutschland, Deutschland über alles,
Über alles in der Welt...

Ще не вмерла України ні слава, ні воля.
Ще нам, браття українці, усміхнеться доля.
Згинуть наші вороженьки, як роса на сонці...

Словом, все вергилии говорят о восторжествовании над своим окружением, о державном правлении над ним. И все они начинаются с нянюшкиных сказок...

Даже сегодня всякая власть «спит и видит», что ее велениям подчиняются не из страха, но от веры в ее причастность к высшим истинам мира. Убеждена в этом церковь: «...нет власти не от Бога», «...начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» (Рим 13:1, 3). К этому же, пусть не всегда сознавая, ведут и мастера искусств. Вот тут-то мы и подходим к самому существу. Оказывается, и в государстве все начинается с языка, на котором общаются его граждане, и здесь: «В начале было слово».

Остается только понять, что язык не сводится к набору лексических единиц и грамматических правил: его материя – это свое-

образная матрица всего мироздания. Раньше всех наук именно он вводит начинающего понимать речь ребенка в сложную систему самых фундаментальных зависимостей, которые правят самой природой: количественных и качественных, пространственных и временных, причинно-следственных и функциональных отношений, совокупность которых определяется емкой формулой «связь вещей». Еще Платон говорил о параллельном существовании мира вещей и мира идей (Платон. Федр), и эта мысль – станет одной из первых в осознании того непреложного факта, что наиболее глубокие основания всех самых фундаментальных истин таятся в структуре языка. Мир идей – это предшествование всего, идеи являются и сущностью, и причиной, и идеальной моделью всех вещей во Вселенной. И это неудивительно, ибо в действительности мы существуем не в ней: все познанное человеком (правда, уже не в первозданном, но в преобразованном виде) оказывается герметически замкнутым в капсуле его культуры, еще не познанное остается за ее покровами [6, с. 3–25]. В иной форме об этом говорили и другие: Кант видел самое глубокое основание человеческой мысли в системе категорий, которые существуют до всякого опыта, Н. Хомский – во врожденных синтаксических структурах [21, с. 412–527]. Словом, нерасторжимая связь языка и мироустройства (а следовательно, и устройства мира) не является чем-то удивительным.

Язык, и это главное в нем, является формой специфического *предпознания*: только освоив его принципы, человек обретает ключи к самым сокровенным тайнам природы. Но и возникновение языка возможно лишь там, где рождается принципиально новая форма существования – творчество.

В 1932 г. И. П. Павлов ввел в научный оборот понятия первой и второй сигнальных систем [18, с. 335–336]. Первая сводится к показаниям органов чувств, вторая указывает на отсутствующий здесь и сейчас предмет. Но даже она указывает только на то, что уже известно человеку и хотя бы какими-то гранями своего содержания уже присутствует в его опыте. Пусть не здесь-и-сейчас, но хотя бы вообще. Так, мы способны указать на отсутствующий компьютер, автомобиль, наконец, вообще

не поддающееся чувственному восприятию «государство». Возникновение сознания – это еще и рождение знаковых систем, способных указывать на то, чему в принципе нет места в привычных измерениях пространства и времени, чему еще только *предстоит появиться* на свет. Поэтому мы обязаны сделать вывод о том, что сигнальная система, которая существует у человека, обязана распадаться на две части, каждая из которых качественно отличается от другой.

Неоднородна и сама деятельность человека, она распадается на творческую и репродуктивную. Только первая порождает новые ценности, вторая способна лишь к тому, чтобы воспроизводить уже существующее в культурном макрокосме. С течением времени репродуктивная составляющая праксиса алгоритмизируется и передается искусственному устройству: машине, компьютеру. Но сама возможность такой передачи свидетельствует о том, что собственно человеческим в деятельности является только творчество. Отсюда и разные формы речевого обмена, одна из которых призвана опосредовать чистое созидание, которое в принципе не поддается никакой алгоритмизации, а другая – репродуктивную активность, должны содержать в себе качественные отличия. Так что там, где содержание слова выходит в область еще не существующего в природе, допустимо говорить о третьей сигнальной системе [5, с. 24–28]. То, что мы понимаем под наиболее глубинными законами речи, пусть не всегда замечаемыми нами, но всегда подчиняющими нас, во многом относится именно к ней.

Таким образом, в едином арсенале познания не сверхсовременному инструментарию, не самым изощренным экспериментам – языку, словарному составу, формулам грамматики, еще бог весть чему, но чему-то очень важному, принадлежит ключевая роль. Только усвоив базовые принципы устройства родной речи, человек оказывается в состоянии понимать и открывать новые законы всего мироздания [7, с. 3–31]. При этом уже ребенок обретает способность ориентироваться в незримых измерениях, неизвестных часто и взрослому. Блестящей иллюстрацией служит высказывание Л. В. Щербы о некой глокой куздре. Колыбельные песни и сказки, которые слышит входящий в мир человек, не только формируют

механизмы дешифровки грамматических правил и распознавания лексических откровений, но и пробуждают его фантазию, запускают процесс самостоятельного творчества. Поэтому даже в самом обыденном, то есть там, где весь практический *опыт* ребенка говорит одно (мыть руки перед едой – совершенно бесполезное дело), тогда как авторитетное суждение диктует другое, он доверяется *слову* родителя. В конечном же счете именно из таких черпаемых в кладезе родного языка представлений о непредставимом и складывается единый взгляд на мир всей людской общности.

Этот взгляд у каждого народа – свой, и часто глубинные, столетиями накапливаемые отличия в воззрениях других племен осознаются нами как что-то враждебное. Не случайно еще Макиавелли, заметив, что единство страны образуют язык, обычаи и учреждения, добавил: «...когда приобретают территории в стране, чужеродной по языку, обычаям и учреждениям, вот тут начинаются трудности, и чтобы не потерять их, потребуются великая удача и великое умение» [12].

VI

Сказанное позволяет понять, «с чего начинается Родина», почему рядом с носителем высшей власти рано или поздно встает жрец, национальный поэт, простой школьный учитель, наконец (а может, и прежде всего!), родная бабушка и ее сказки. И нет ничего парадоксального в последнем, ведь именно она и эти сказки рождают у ребенка первые представления о добре и зле, о правде и кривде, о правильном и неверном, о справедливости... Первые же представления – это и есть фундамент, на котором выстраивается все остальное в будущем мировоззрении человека, и его прочность станет самым верным залогом всех последующих достижений. И вот главное: именно справедливость, правда, правильность, да даже праведность составляют спектр смыслового корня понятия *государственного права*. Кстати, не только в русском языке.

Но вернемся к истокам.

Одна из ключевых максим философии гласит: нет объекта без субъекта и нет субъекта без объекта. «...Нет объекта без субъекта – вот

положение, которое навсегда делает невозможным всякий материализм» [23, с. 40]. Разумеется, Шопенгауэр не оспаривает независимое от человека существование реальной действительности (с этим не спорил даже Бэкон). Философ восстает лишь против механистически, в духе Лапласа, понятых учений, согласно которым с помощью формализованных заклинаний естественных наук можно раскрыть как последние тайны материи, так и самые глубокие ее основания. Его убеждение опирается на принципиальную невозможность прямого отождествления наших суждений о мире с ним самим. Весь свод знаний, собранный в библиотеках и музеях мира, – это лишь представление о нем. Действительное же познание начинается лишь там, где человек воспаряет над веществом (включая собственную органику), когда рождается творческий порыв; в свою очередь, предмет (а с ним и мир в целом), открывается ему лишь в той мере, в какой становится *объектом* его творчества, а сам человек – его преобразователем, пересоздателем, *субъектом*.

Только способность к творчеству составляет главное отличие человека от животного, и сказанное Шопенгауэром утверждает именно это. Разумеется, творчество – это не создание чего-то из пустоты, но всегда преобразование существующего.

Обратимся к эмоции, которую вызывает предмет не только у нас, – без нее ничто живое не сдвинется с места. Именно ей дано определить ключевой вектор практического отношения органической ткани к тому, что встает перед ней, пробудить в сгустке живой материи первый импульс субъектности, начало творчества. Вот только у человека эмоциональный ряд развит в большей мере, чем у любого животного. Не будь способности к эмоциональному окрашиванию всего *предстающего* перед ним, никогда не появились бы ни совершенные орудия труда, ни цветные телевизоры, ни государства, ни учения о них.

Но важно понять: творчество не может быть сведено к процессам, протекающим в отдельно взятой голове («самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что... он уже построил ее [постройку] в своей голове») [13, с. 189]. Не будь той капсулы культуры, того информационного облака, где растворяется

сознание всех соплеменников, никем никогда не было бы создано ничего нового. Только погружение в эту стихию или, если угодно, ее вбирание делает возможным порождение новых реалий.

В свою очередь, и «погружение», и «вбирание» происходит только в общении, только там, где человек с головой погружается в контекст всеобщей коммуникации. Именно всеобщей, ибо лишь на первый взгляд ее сторонами предстают индивиды, в лучшем случае группы. В действительности же частным лицом может быть только реципиент, противоположная же сторона – это всегда социум. Причем не только как сумма современников: поток тотальной эстафеты культуры представляет собой процесс, в котором не только живые, но и ушедшие из жизни передают нам все открытое ими. Это никогда не прерывающийся диалог поколений, продолжающих себя в новых свершениях. Н. Гумилев, сказавший: «Только змеи сбрасывают кожи, / Чтоб душа старела и росла, / Люди, мы со змеями не схожи, / Мы меняем души, не тела», неточен: аллегория сбрасывающей и сбрасывающей кожу змеи – это как раз про человека. Именно то, и только то, что создано нами же в лице наших предшественников, становится отправной точкой для новых восхождений. Поток поступательного пересоздания мира – это эстафета, передаваемая ушедшими из жизни еще не появившимся на свет. В ней те и другие всегда современники, и роднит их то, что соединяло и продолжает соединять сегодня мастера и ученика.

Творчество начинается уже с колыбельных песен, которые слышит младенец. Именно они формируют у него известный эмоциональный настрой, который, когда он научится различать первые слова и понимать их значение, всю жизнь будет определять его собственное отношение к обозначаемым им предметам. Серенький Волчок даже тогда, когда человек станет петь о нем уже своему ребенку, будет представляться и родителю не страшнее того шаловливого котенка, который набрасывается на высунувшуюся из-под одеяльца ножку малыша. При всем том, что он может довольно чувствительно цапнуть ее, этот зверек для обоих остается чем-то родным и теплым, мягким и пушистым, – и именно такой образ будет передаваться внукам и правнукам. Русский фольклор

никогда не сделает родным для себя Братца Кролика; напротив, наш соплеменник вполне дружелюбен к хищному и злобному для иноземца косолапому Мишке, уважителен к Михал Ивановичу. Обезьяна, многомудрая в фольклоре иных народов, в русском мире выступает воплощением напыщенной глупости. Примеры можно множить до бесконечности, но, практически никем не замечаемая, эта бесконечность определяла, определяет и будет определять весь наш менталитет, формировать «русский дух». «Там Русью пахнет», «И дым Отечества нам сладок и приятен», – скажут об этом поэты.

Естественно, что и отдельно взятая эмоция, и порождаемый ею «дух», и даже остающийся сладким «дым» нуждаются в понимании того, почему частное восприятие оказывается глубоко родственным для всех соплеменников. Постигание этой тайны становится началом бесконечной цепи закономерных следствий, в которой великое множество подобных иллюстраций диктует необходимость единого объяснения... объяснение принимает форму абстрактных идеологем... умножение последних создает развитые идеологии... а уже с ними появляются поэты, философы, политологи, взрывающие государственную мысль секретари дипломатических канцелярий, министерства пропаганды, et cetera, et cetera... Но даже в конце этой цепи нацию будут составлять не те, кто воспримет заумные суждения ученых профессионалов. Нация – это когда совершенно разные люди, мужчины и женщины, дети и старики, прокуроры и жулики, хулиганы и милиционеры могут собраться вместе и спеть одну и ту же песенку, умилиться одним и тем же героем детских сказок. (Суждение не принадлежит автору: когда-то давно он услышал его «где-то в телевизоре»... и поразился его точности и глубине.)

Впрочем, на сказках и песенках эстафета преемственности не останавливается. Ее продолжает и национальный аналог «прусского школьного учителя», который, по словам Бисмарка, обеспечивал победы в собирании германских земель, и та же милиция, и университетские профессора, и своя же жена, глядя на которую каждый мужчина открывал и открывает для себя многие тайны общения с входящим в большую жизнь маленьким человеком... И, разумеется, книги, книги, книги, в которых с нами будут гово-

рить многие уже ушедшие из мира живых. Каждый день мы будем открывать для себя что-то новое в давно усвоенном. Каждый день будем продолжать вечное дело строительства своего государства и его суверенитета...

И все же государство – это не просто сплоченное единство тех, кто впитал основы своей культуры. Не менее жизненным для него является решительное отсечение противостоящих ей максимум, единение вокруг одного полюса раздирающих людской мир противоречий. И это, разумеется, не может быть достигнуто без «обмена словами», но все же первоосновой всего становится позыв к единодействию.

Впрочем, не только единодействие – сам «обмен словами» требует согласного их понимания; единомыслие же формируется не в одних храмах. Феномен «коллективной души» заставляет обратиться к театру: может быть, именно в нем с наибольшей наглядностью проступает то, что составляет самую суть государственного строительства. Впрочем, добавим, и национального, ибо эти материи неразделимы (здесь уже был упомянут Э. Геллнер). Меж тем национализм – это еще и идеология. Последняя же – это не просто система взглядов, но и сплочение всех на основе ее императивов. Сплочение же диктует необходимость надежного удостоверения...

Греческий театр – это мир стихий, которые требованием своей оценки объединяют граждан; он призван сделать отчетливо различимым не только информационный посыл сцены, но и ответ на него самой публики. Чтобы познать добро и зло, нужно научиться отличать их от всех искажений; и не только патетика актеров – реакция публики становится поводом зрителя в сплетениях характеров и сюжетных поворотов. Поэтому все время сценического действия хотя бы периферией своего зора собрание должно наблюдать реакцию каждого гражданина, и в то же время каждый должен чувствовать себя в самом фокусе устремленного именно на него внимания. «С кем ты?» – вот главный вопрос, который здесь, в театре, задавал своему гражданину город, и испытываемый был обязан не только найти правильный ответ на него, но и – перед всем собранием! – собственной эмоциональной реакцией подтвердить преданность сделанному

выбору. К слову, даже размеры сооружения подчинены этому: театр должен был вместить всю гражданскую общину.

Воспитанию способствовала не только драматургия, но и геометрия театрального пространства [4, с. 199–200]. Даже она была призвана решать задачу единения, отсюда и поле зрения публики не могло быть ограничено происходящим на сцене. Незримо присутствующий здесь полис озабочен не простым различием совокупной реакции зрителей на вызов драматургии, он занят еще и формированием отчетливого ответа, и, может быть, главное в вершинной здесь литургии состояло в том, чтобы сделать его единогласным. А это исключает прямоугольную планировку зала.

Чтобы понять сказанное, необходимо взглянуть на зал глазами самой общины. Она же видит не только сюжет и не только создаваемые актерами образы, но и то, что, даже ускользая от сознания публики, остро воспринимается всеми органами ее чувств. Публика видит себя, свое многолюдство, свою мощь, свое единство; и каждый зритель, переживая одно и то же с другими, должен был наливаться совокупной силой, уверенностью в том, что его победительный город обладает всем необходимым, чтобы отстоять воспитываемые сценой идеалы. Если видеть в архитектуре театра только то, что позволяет оптимизировать восприятие собственно сценического действия, нам откроется лишь немного из происходящего в границах его пространства. Действительная же задача состоит еще и в том, чтобы позволить каждому увидеть всех, почувствовать себя органической частью единого тела, ощутить прикосновенность к его правде, его представлениям о справедливости, праведности... А между тем, повторим, именно эти представления и составляют корневую основу самого понятия.

Мы говорим здесь «архитектуры», а не «архитектора», потому что последний большей частью и сам не понимает этой задачи, но все же инстинкт социума безошибочно направляет его.

VII

«Недоставало еще только одного: учреждения, которое не только ограждало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только

сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит, и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств; недоставало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним. И такое учреждение появилось. Было изобретено государство» [24, с. 108]. Взгляд Энгельса открывал многое, но если и сегодня видеть в этом «учреждении» только цепного пса частной собственности, можно пройти мимо главного. Уже хотя бы потому, что частная собственность никогда не была до конца частной: во все времена, начиная с глубокой древности и кончая современностью, она была и остается особой формой существования всего организованного социума [9, с. 224–251].

Сведение государственной политики к поддержанию порядка и подавлению всех несогласных с ним слишком узко для понимания природы центральной власти. Да, уже древнее общество регламентирует всю жизнь человека, о чем свидетельствуют древнейшие документы: «Когда человек выходит из [чрева] своей матери, он уже подчинен своему начальнику. Мальчиком [он] становится прислужником воина, а юношей – рекрутом. Когда же он становится мужем, определяют его в земледельцы, а бедняка – в конюхи» [22, с. 113, док. 30]. Да, уже здесь можно отчетливо разглядеть предтечу закабаления человека. Но спросим себя: а как еще можно организовать преемственность коллективного опыта, межпоколенную эстафету культуры, обустроить общежитие на огромных территориях, когда нет ни всеобщего образования, ни специально разработанных образовательных программ, ни учебных центров, ни владеющих специальными методиками наставников, ни даже специальной терминологии, словом, *ничего?*.. Возвращение в каменный век – вот участь, уготованная общине, лишившейся своей организованности, своей государственности.

Представления Энгельса в умах его последователей создавало иллюзию того, что если заменить аппарат насилия другим, общее счастье будет немедленно обеспечено. Но государство – это еще и великая идея, не будь которой, на одухотворяемых и хранимых ею пространствах до сих пор так и бродили бы стада питекантропов. Залогом действительных перемен в устройении общества может быть только новое сознание, коренные преобразования нуждаются в совершенно по-другому воспитанной молодежи. Революции не совершаются в одночасье, вот и Великая Октябрьская только началась 25 октября 1917 г., завершилась же лишь к концу 1936-го актом принятия Конституции СССР. Индустриализация, коллективизация, культурная революция – вот аксиоматика того пути, который должна была пройти страна, и знать ее был обязан каждый советский абитуриент. Разумеется, ее исполнение требовало времени, а с ним взросло целое поколение по-новому думающих граждан. И вот итог: если даже мари-луизочки Великой французской революции умели вселять страх в соединенные силы Европы, которая добивала смертельно раненную Россией Францию, то новая Россия окончательно доказала, что победа на баррикадах и даже в отстаивании своего суверенитета еще ничего не решает. Собственно это же демонстрируют и бывшие республики нашего Союза, куда после его развала обильным потоком хлынули какие-то свои учителя какой-то своей правды и справедливости...

Разумеется, ничто из сказанного не отвергает ни эксплуатацию, ни защиту от вражеских нашествий, ни людское стяжательство, ни стремление «править державно», встать «über alles» или «понад усе». Но сводить существо государства только к этим материям – значит сильно обеднять содержание великого понятия. Еще в 213 г. до н. э. императору Цинь Шихуанди был подан доклад, в котором говорилось: «Ныне ваше величество объединили империю, разграничили белое от черного и установили один трон. Частные же школы, передавая друг другу, обучают незаконному учению... Услыша об указе, каждый [с точки зрения] своей школы обсуждает его. Входят они с ложью в душе, а выходя, судачат в переулках. Они считают славой отсутствие императора, они считают почетным

иметь разные мнения. Они ведут массы к созданию клеветы. Если это не запретить, то наверху падет мощь императора, а внизу их единомышленники добьются успеха. Удобнее их запретить» [22, с. 316, док. 86]. Результатом явилось сожжение конфуцианских книг и истребление конфуцианских ученых.

Да, можно возмущаться и этим, но вновь вопросы, вопросы, вопросы... Что правильней, справедливей, праведней: танки на Красной площади или у Бранденбургских ворот? Столы с баварским пивом на Дворцовой или поминальные плиты на Пискаревском? Страдания Коли из Уренгоя в германском Бундестаге или виселицы Нюрнбергского трибунала? Наконец... тушка трансгендера в постели или родная жена?

Краткий итог

Государство – это не только аппарат, территории с их юридическими границами и даже с живущими на них людьми, но еще и надличностное единство бесконечной цепи поколений со всей их верой, культурой, памятью, совестью, счастьем, болью... Нечто, не поддающееся никаким формальным дефинициям, вне-физическое. Государство – «это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю», как сказал Гегель [2, с. 284]. И, как кажется, именно ему полнее всех открылось существо этого грандиозного феномена. Заменим Бога более скромным представлением сограждан о едином взгляде на мир, о вызовах, которые бросают им время и пространство, – и все сойдется. Возникающий как одно из измерений их общей истории техникум будет формировать единый образ жизни; тот – на ее метауровне порождать обоснование общих целей; в свою очередь, согласие с последними – представление о правильности, справедливости всеобщего мироустройства, праведности бытия... А всё вместе – основу государственного права и самой государственности. Словом, платоновский мир идей, коллективная душа, которую удалось разглядеть Лебону даже в случайно собирающейся толпе; Мировой дух Гегеля, информационное поле, сегодня представшее перед нами в облики печати, эфира, компьютерных сетей, гуманитарium

новой формы жизни, другие сходящиеся в главном представления – все это об одном и том же. А именно – о господствующем над каждым и одновременно над всеми невещественном, надличностном начале, что сбрасывая и сбрасывая кожи, стареет и растет вместе с каждым смертным атомом его единого неумирающего тела.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Браун Д. Происхождение. М. : АСТ, 2018.
2. Гегель Г.-В.-Ф. Философия права. М. : Философское наследие, 1990.
3. Геллнер Э. Нации и национализм [Пер. с англ.]. М. : Прогресс, 1991.
4. Елизаров Е. Д. Античный город. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Арт-Экспресс, 2020.
5. Елизаров Е.Д. Великая гендерная эволюция. СПб. : Написано пером, 2015.
6. Елизаров Е.Д. Культура как детерминант всеобщего развития // Научные труды / Институт имени И. Е. Репина. Вып. 15: Вопросы теории культуры. СПб : Ин-т им. И. Е. Репина, 2010. С. 3–25.
7. Елизаров Е. Д. Слово и мироздание // Научные труды / Институт имени И. Е. Репина. Вып. 51: Вопросы теории культуры. СПб : Ин-т им. И. Е. Репина, 2019. С. 3–31.
8. Елизаров Е. Д. Слово и мироздание. СПб. : Написано пером, 2020.
9. Елизаров Е. Д. Феномен собственности и личность предпринимателя // Научные труды / Институт имени И. Е. Репина. Вып. 23: Вопросы теории культуры. СПб : Ин-т им. И. Е. Репина, 2012. С. 224–250.
10. Лебон Г. Психология толп // Психология толп : [пер., предисл. И. В. Задорожнюка ; вступ. ст. В. Н. Дружинина]. М : Ин-т психологии РАН : КСП+, 1998. 412 с.
11. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.
12. Макиавелли Н. Государь // Библиотека гуманитарной и технической литературы. URL: <http://www.telenir.net/politika/gosudar/p4.php?ysclid=lr9biyytzf882233881> (дата обращения: 05.05.2023).
13. Маркс. К. Капитал // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23.
14. Менабде Э. А. Хеттское общество. Тбилиси : Мецниереба, 1965.
15. Монтэ П. Египет Рамсесов. М. : Наука, 1989.
16. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М. : Юрист, 1994.

17. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.info/slovar/?q=%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE> (дата обращения: 14.08.23).
18. *Павлов И. П.* Условный рефлекс // Павлов И. П. Полное собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3, кн. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1951.
19. *Тюняев А. А.* Расчет численности населения в палеолите и мезолите : докл. на Первом междунар. конгрессе «Докирилловская славянская письменность и дохристианская славянская культура». ЛГУ им. А. С. Пушкина, СПб., 12–14 мая 2008 г.
20. *Харитонович Д. Э.* Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. М. : Наука, 1999.
21. *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 412 – 527.
22. Хрестоматия по истории Древнего мира: в 3 т. / под ред. В. В. Струве. Т. I. М. : Учпедгиз, 1950.
23. *Шопенгауэр А.* Сочинения: в 6 т. Т. 1. М. : Терра, 1999.
24. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21.